ПИСЬМО В. И. ДАЛЯ С. П. ШЕВЫРЕВУ — РЕД.

(1842).

Библіотека пошла въ руки новаго промышленника, отставнаго курьера Ольхина. Онъ ѣдетъ въ Москву основать свою контору, върно будетъ и \mathbf{y} Брамбеусъ дожилъ таки того, что ДΟ никто не даетъ ему своихъ статей и, передавая журналь, даеть росписку, что не смъетъ болъе мудрить и переправлять статьи.

Смирдина съѣли совсѣмъ; любопытно послушать его съ часикъ, какъ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, Полевой, Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій перебрали у него удивительно ловко сотни тысячъ и посадили на мель.

.... Вы не знаете службы нашей и моего положенія ¹). Я сыть и одъть и житейскимъ доволенъ; но все это дается мнъ именно съ тъмъ, чтобы я дълалъ свое

¹) В. И. Даль управляль тогда канцеляріею министра внутреннихь дѣль, графа Л. А. Перовскаго.

дъло, а по сторонамъ не глядълъ и не въ свое дъло не мъшался. У насъ дълаютъ обыкновенно такъ: чтобы отдълаться отъ просителей, объщають ходатаевъ И двусмысленными словами сдѣлать можно, и предоставляють дело на волю Божію. Если конецъ выльется годный, то приписываютъ это ходатайству и бываютъ весьма признательны; если же нътъ – то покровитель говорить: «что же никакъ нельзя было». Я разъ на всегда положиль себъ за правило не брать этого грѣха на душу и не вводить никого въ сомнънія надежды И голословными, обязательными объщаніями. Мнъ часто не върятъ и говорятъ: «не хочетъ, а еслибъ захотълъ, такъ бы сдълалъ». Пусть лучше такъ говорятъ, пусть лучше пѣняютъ въ началь дъла чъмъ въ концъ, когда уже и другими путями и средствами пособить ему нельзя.

Я полагаю, что газета ²) не встрътитъ затрудненія, но положительно не знаю

²) С. П. Шевыревъ и М. П. Погодинъ намъревались издавать политическую газету: «Кремлевскій Часовой», и программа ея, написанная С. П. Шевыревымъ сохранилась.

ничего. Двери къ г. министру открыты во всякое время и всякому, безъ изъятія; но обходить ихъ опасно, если нельзя миновать вовсе.

Жизнь моя однообразная, томительная и скучная. Я бы желалъ жизнь подальше отсюда — на Волгъ, на Украйнъ, или хотя бы въ Москвъ. Вы живете для себя; у васъ есть день, есть ночь, есть наконецъ счетъ днямъ и времени года; у насъ нътъ ничего этого. У насъ есть только часы: время идти на службу, время объда, время сна. Бълка въ колесъ – гербъ нашъ. Оръхи будуть, когда зубовь не станеть; волю суставахъ дадутъ, когда хрящи ВЪ сростутся и ноги одеревенъютъ. Это не жалоба, это просто разсказъ о томъ, что и какъ есть. Писать бумаги мы называемъ дъло дълать; а оно-то промежъ бумаги и проскакиваетъ, и мы его не видимъ въ глаза. Еслибъ иной, послѣ усердной 35-ти лътней работы, которая скрючила его въ 3), увидалъ настоящее, истинное дѣло на дълъ, а не на бумагъ – такъ бы онъ,

³) Неразобранное слово.

можетъ статься, обошелъ его кругомъ, какъ подмосковный крестьянинъ присланнаго изъ Персіи слона и сказалъ бы: Ну, виноватъ, слона-то я и не замѣтилъ!

Одинъ въ полѣ не воинъ, и головня одна въ чистомъ полѣ гаснетъ, а сложи костеръ, будетъ горѣтъ. Что можетъ сдѣлать одинъ — хотъ будь онъ разминистръ? Такая видно до времени судьба наша; надо вѣритъ съ Калмыками, что—де «что нибудь да будетъ, такъ не будетъ, ничего не будетъ, а что нибудь да будетъ».

29 Января 1846.